

АКТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ВОСПРОИЗВОДСТВА В 1990-х ГОДАХ

Н. Н. Еремеев, аспирант кафедры экономической теории ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева».

В статье представлен анализ особенностей системного экономического кризиса 1990-х годов, выделены стадии развертывания кризиса сужающейся модели воспроизводства.

Ключевые слова: воспроизводство, системный кризис, сужающая модель воспроизводства, дисбаланс производства и потребления, деформация производственной структуры

На сегодняшний день в условиях жесткого мирового финансово-экономического кризиса особую значимость принимает обеспечение конкурентоспособного типа воспроизводства, как фактора гарантирующего стабилизацию и последующее развитие экономической системы. Существующая экспортно-ориентированная модель воспроизводства, как явствует из экономических реалий, не является механизмом, гарантирующим стабильность национальной экономической системы, в первую очередь за счет сильной зависимости от внешней конъюнктуры, в том числе цен на минеральные ресурсы. В этой связи, выработка приоритетных эффективных направлений развития и, в конечном счете, переход к новой системе воспроизводства представляется невозможным без анализа предшествующих векторов развития экономики. Наиболее важным экономическим этапом для существующей системы воспроизводства в российской истории явился период становления рыночной экономики с 1990 по 1998 гг. Оценка особенностей формирования российской модели воспроизводства в данный период представляется крайне важным, в силу того, что в это время были заложены базовые принципы экономического развития, определившие перспективный экономический тренд на десятилетие вперед.

Выделение особенностей российской модели воспроизводства в 1990-е гг. невозможно без определения самого понятия воспроизводства. В самом общем виде воспроизводство экономики – это непрерывный, постоянно возобновляющийся процесс ее функционирования и развития, в ходе которого происходит адаптация экономики к изменению внешних и внутренних условий при сохранении ее структурной организации.

Оценивая общую экономическую обстановку в России в 1990-х годах отметим, что после 1990 г. процесс воспроизводства в стране перестал быть расширенным. В течение восьми лет непрерывно снижались объемы производства в ключевых отраслях экономики, а инвестиции в основной

капитал к 1998 г. уменьшились против предреформенного уровня более чем в 5 раз. Если в эпоху СССР хотя бы на уровне научных исследований эффективно велись разработки проблематики перехода к интенсивному типу расширенного воспроизводства, то рыночные реформы послужили поводом для полного забвения темы о типе воспроизводства. Изначальные цели – интенсификация экономики, научно-технический прогресс, структурная перестройка экономики – отошли в разряд устаревших. За годы реформ по доле в мировом валовом продукте Россия оказалась отброшенной на много лет назад. Так, в 1970-е г.г. в стране производилось 8% мирового ВВП, в начале 1990-х г.г. 5,5 %, в конце 1990-х г.г. 2,7%, в 2007 г.г. по разным подсчетам 2,8 – 2,9 %. Это всего лишь некоторые показатели, характеризующие существовавшую экономическую обстановку, но даже на их основе можно сделать вывод, что в стране был достаточно серьезный экономический кризис, отголоски которого чувствуются до настоящего времени.[4, с. 4]

Кризис российской экономики 1990-х годов по многим параметрам отличался от стандартного набора явлений трансформационного периода, наблюдаемых во многих других странах с переходной экономикой. Он характеризовался рядом особенностей, которые не только обуславливали остроту и инертность кризисных процессов, но и придавали им системный характер.

Внешняя сторона системного кризиса российской индустриальной системы состояла в том, что разладились механизмы, обеспечивающие ее функционирование как единого целого. Глубинная причина заключалась в обострении ее базовых противоречий и дисбалансов, причем, началось это еще в 1970-е годы. Их развертывание привело сначала к перенапряженности, а затем к сбоям и разломам в системе воспроизводства.

Системный характер кризиса обусловлен тем, что он является одновременно:

–структурным кризисом, связанным с исчерпанием воспроизводственного потенциала советской индустриальной системы, ее способности адаптироваться к изменяющимся целям и ресурсным условиям;

–социальным кризисом, связанным с деформацией социального статуса работников и предпринимателей, их ценностных ориентиров и мотиваций;

–институциональным кризисом, связанным с дезинтеграцией иерархической системы управления экономикой и подменой национальных целей и приоритетов ведомственно-корпоративными целями.

Помимо отмеченного, можно выделить пять ключевых черт экономического кризиса, обуславливающих его системный характер: 1) его тотальность, сопровождающаяся деформированием структурной целостности индустриальной системы, 2) ослабление управляемости экономикой, 3) деградация социальных механизмов ее функционирования; 4) разрушение механизмов взаимодействия экономики и государства; 5) появление деструктивных форм интеграции России в мировое хозяйство. Рассмотрим более подробно каждую из ключевых черт.

Кризис приобрел тотальный характер, охватывающий практически все ключевые функциональные структуры индустриальной системы – производственные, финансовые, денежно-кредитные и социальные. Кризис топливно-сырьевых и инвестиционных секторов был запрограммирован тем форсированным режимом их функционирования, который задавался структурными дисбалансами народного хозяйства, его технологической отсталостью и износом производственного аппарата. Деграция потребительских отраслей была предопределена той системой приоритетов распределения качественных ресурсов, которая диктовалась гонкой вооружений и необходимостью наращивания производства сырья. В этих условиях произошел слом структурной целостности индустриальной системы, усилившийся под воздействием интеграции экономики в мировое хозяйство:

– возросла разбалансированность и несопряженность производственных, финансовых, социальных и организационных структур и механизмов воспроизводства, что обострило нестабильность функционирования индустриальной системы;

– произошла фрагментация экономики на хозяйственные анклавы, локальные цели и логика развития которых не только доминировали по отношению к общим приоритетам, но и часто противоречили им.

Российская экономика утратила ту сопряженность производственных и функциональных звеньев, которая в 1950-60-е годы позволяла советской индустриальной системе реализовывать ресурсные преимущества и решать за счет этого масштабные социальные и экономические задачи, а в 1970-80-е годы – сглаживать последствия нарастающих структурных дисбалансов. Это проявилось, в частности, в колоссальной неравномерности производственного спада в различных секторах национального хозяйства. Так, в 1992-1998 гг. в топливно-энергетическом секторе производство сократилось на 29%. В сырьевых отраслях промышленности оно упало на 53%. В машиностроении и потребительских отраслях – на 60%. [1, с. 14]

Десятилетний системный кризис воспроизводства был обусловлен во многом тем, что попытки выстроить сбалансированную по макроэкономическим параметрам модель воспроизводства осуществлялись одновременно с дезинтеграцией и деформацией основных структур индустриальной системы, которые и обеспечивают воспроизводственный процесс. Только спустя десятилетие после начала реформ был запущен сложный и болезненный процесс выстраивания таких структур, который к середине текущего десятилетия еще далеко не завершен.

Касаясь такой черты как ослабление управляемости экономикой, отметим, что в 1990-е годы кризис охватил механизмы и организационные структуры формирования целей, поведенческих норм и мотиваций экономической деятельности. Восстановление управляемости – это, прежде всего, формирование общенационального экономического субъекта: а) с необходимыми рефлексивными возможностями, т. е. способностью «понимать» и прогнозировать логику развития объекта в его целостности и противоречивости; б) с собственными целями, адекватными общесистемным

приоритетам; в) с достаточным потенциалом для мобилизации материальных, финансовых, организационных и других ресурсов; г) с соответствующими технологиями социально-экономического проектирования и конструирования.

Хотя в российской экономике в течение 1990-х годов и наблюдались процессы структуризации – концентрация и централизация банковского и промышленного капитала сопровождалась формированием относительно устойчивых финансово-промышленных структур, – образования такого субъекта на общенациональном уровне не произошло. Дело не только в том, что такие структуры, как правило, не были ориентированы на оздоровление производственных звеньев и производственно-технологической базы экономики, не располагали требуемыми рефлексивными и мобилизационными возможностями – главное, что между ними отсутствовали процедуры и механизмы диалога, согласования интересов, выработки единой стратегии развития и «правил игры». Вместо этого сохранялась жесткая борьба между экономическими группировками за перераспределение ресурсов, к которой подключились регионы, бюрократические группы, криминальные структуры, иностранные корпорации и другие субъекты. В условиях дефицита управляемости и слабости легитимных механизмов согласования интересов произошло усиление криминализации экономики, формирование обширных теневых зон, дополняющих и корректирующих действие рыночных структур. По оценкам, масштабы теневой экономики возросли в два-четыре раза, достигнув 20-40% ВВП. В сфере криминального влияния и контроля оказалась значительная часть финансовой и торговой инфраструктуры; по данным МВД РФ (1997 г.), в ней находилось более четверти банков.

Деформация социальных структур выразилась в усилившемся кризисе социальных структур, которые определяют как качество «человеческого капитала», так и социальные параметры функционирования системы воспроизводства – ценности, нормы и стереотипы экономического поведения, мотивации предпринимательской и трудовой активности и др.

Крушение советского общества (его социальных институтов, статусной системы, распад среднего класса), форсированное становление элементов открытого общества, резкая социальная поляризация на фоне падения уровня жизни основной части населения – эти и другие факторы, с одной стороны, вызвали острый социальный шок, пик которого пришелся на 1993-1994 гг., а с другой стороны, запустили или усилили деструктивные социальные процессы. Последние были связаны с глубоким, вплоть до уровня ценностных ориентации, социокультурным расколом российского общества, с размыванием социальных групп и маргинализацией значительной массы населения. Причем, если шоковое состояние общества к середине 1990-х годов прошло, то отмеченные деструктивные процессы продолжали развиваться, обуславливая общую деградацию социальной среды и негативный фон формирующихся социальных механизмов функционирования системы воспроизводства.

Деструктивное влияние социальной среды на национальную экономику в рамках развертывающегося системного кризиса прослеживается по четырем основным направлениям.

Первое – формирование полярных систем ценностных ориентации, препятствующее консолидации общества и воспроизводящее глубинные предпосылки социального конфликта.

Второе – деформация стратификационной системы и социальной идентификации, сохраняющаяся слабая структуризация значительной части общества.

Третье – поляризация общества по экономическому положению и образование обширной устойчивой зоны бедности.

Четвертое – преобладающее негативное отношение к сложившейся модели воспроизводства со стороны общества, вплоть до неприятия ряда ее базовых элементов. Такое отношение неизбежно переносилось и на ключевые институты, и на «действующих игроков» этой модели.

В 1990-е годы разрушились механизмы взаимодействия экономики и государства, которое в России традиционно выполняло системообразующую функцию по отношению как к национальному хозяйству, так и обществу в целом. Одним из факторов системного кризиса российской экономики стало углубление антагонизма между государством и обществом, достигшего к середине 1990-х гг. критической температуры конфликта. Проект либеральной модернизации включал идеологему «ухода государства из экономики», хотя в результате изменились лишь формы огосударствления хозяйственной жизни. [3, с. 24]

Острота воздействия кризиса российской государственности на систему воспроизводства обусловлена следующими факторами.

Во-первых, в России государство традиционно играло системообразующую роль в экономике и обществе. Здесь не было классического гражданского общества, в рамках которого в западной цивилизации формируются и регулируются экономические субъекты и отношения, которое является одновременно и источником государственности, и противовесом государству. Функцию гражданского общества выполняли особые корпорации (КПСС), которые, с одной стороны, играли важную роль в контроле над государственными институтами и бюрократией, с другой стороны, были арбитрами («приводным ремнем») между государственными институтами и сословно-корпоративными, конфессиональными, региональными и другими социальными группами, которые составляли российское общество. Эта особенность (отсутствие гражданского общества и сильные корпоративные традиции) предопределила высокую огосударвленность российской экономики – участие государства в организации и регулировании национального хозяйства, отношений между социальными корпорациями и т. п.

Во-вторых, важнейшей функцией государства в России было поддержание внутреннего порядка (равновесия, иерархии) и диалога между разными социальными слоями и группами населения. Ключевую роль в этом играл государственный социальный патернализм, реализация широкого спектра социальных функций.

В-третьих, советское национальное хозяйство формировалось не «снизу вверх», как в странах с рыночной экономикой, через развитие отдельных

элементов и структур, с автоматическим (через механизмы конкуренции) обеспечением структурного равновесия и эффективности на микроуровне – а «сверху вниз», через достраивание и модернизацию элементов экономической системы в соответствии с ее целями, функциями и общей логикой развития, Эффективность отдельных звеньев (вплоть до отраслей и территорий) часто сознательно приносилась в жертву интересам функционирования экономической системы как целого.

Пятой чертой системного кризиса является деструктивные формы интеграции России в мировое хозяйство. В советской индустриальной системе внешняя торговля (и сопряженные с ней ТЭК и инвестиционный комплекс) играла роль своеобразной «стабилизирующей зоны» – компенсатора структурно-технологического неравновесия, позволяющего поддерживать соответствие между технологическими сдвигами, ресурсным обеспечением и динамикой непродовольственного потребления. Развертывание проекта либеральной модернизации качественно изменило ситуацию:

- началась форсированная интеграция российского национального хозяйства в структуры глобальной экономики;

- внешнеэкономическая сфера и связанные с ней индустриальные и финансовые структуры образовали автономный анклав, формирующий соответствующие ценовые пропорции в экономике и оттягивающий материальные и финансовые ресурсы с внутреннего рынка.

Интеграция России в мировое хозяйство сопровождалась переключением ее внешнеторговых потоков от стран бывшего «второго мира» на страны «первого мира». Потеря рынков постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы, экономики которых по технологическому уровню были адаптированы к советской экономике, и переключение товаропотоков на рынки развитых индустриальных стран обусловили свертывание машиностроительного экспорта и усиление энерго-сырьевой ориентации российского экспорта.

Оценивая систему развертывания кризиса модели воспроизводства, отметим, что с середины 1970-х годов до конца 1990-х годов можно выделить 4 стадии кризиса. Последовательность прохождения стадий кризиса представлена на рисунке 1. Рассматривая подробно каждую из стадий отметим, что во второй половине 1970-х годов в советской экономике появился ряд качественно новых моментов, свидетельствующих о начале системного кризиса. Его внешними признаками стало ухудшение экономического положения страны: замедление экономического роста одновременно с падением его эффективности; быстрое утяжеление народного хозяйства за счет базовых отраслей и, при этом, усиливающаяся нехватка энергии и сырья; разрастание производственного аппарата страны при его устаревании и технологической деградации. С учетом скрытой инфляции темпы экономического роста упали с 7% в год в 1960-х годах до 2.5-3% в 1976-1985 годах. Ключевым противоречием, возникшим в 1970-е годы, является конфликт между необходимостью качественного обновления производственно-технологического аппарата экономики и сложившимся режимом инвестиционной поддержки первичных секторов. Избыточная ресурсоемкость конечных отраслей, обусловленная их технологической

отсталостью, уравнивалась наращиванием инвестиций в первичный сектор, производящий энерго-сырьевые ресурсы. Однако, это препятствовало обновлению производственного аппарата в самих конечных отраслях, что было необходимо для снижения затрат и потерь первичных ресурсов.

Рисунок 1 Стадии развертывания системного кризиса модели воспроизводства 1990-х годов

Такой режим воспроизводства экономика долго выдержать не могла. Стал неизбежен структурный спад производства, который означал переход ко второй стадии системного кризиса.

Во второй половине 1980-х годов системный кризис приобрел открытый характер. В рамках сложившейся производственно-технологической структуры

экономики стало невозможно поддерживать сбалансированный обмен ресурсами между энерго-сырьевым сектором, обрабатывающей промышленностью и ВПК без наращивания внешней задолженности, сокращения непроизводственного потребления и ускорения инфляции. Перелом в режиме воспроизводства произошел в 1988-1989 годах. Ключевым противоречием на второй стадии системного кризиса стал конфликт между падающим производством и быстро растущим потреблением.

За последующие три года (1992-1994) промышленное производство упало в два, а производственные инвестиции – в пять раз. Основными причинами резкого обострения кризиса и спада производства стали:

а) либерализация цен и валютного курса и открытие экономики, что кардинально изменило ценовые пропорции в экономике и вызвало сжатие конечного спроса;

б) периодические попытки подавить инфляцию, имеющую во многом структурный характер, с помощью инструментов монетарной политики;

в) разрушение в результате распада СССР, форсированной приватизации и удорожания транспортных услуг кооперационных связей между предприятиями.

При этом уровни потребления населения и занятости снизились в значительно меньших масштабах, чем производство: потребление, по оценке, – на 24%, а число занятых – всего на 8-9%. В основном, сохранился и производственный аппарат: сокращение мощностей за этот период составило около 20%.

Четвертая стадия началась в 1995 г, и завершилась кризисом 1998 года. От предшествующей она отличалась, во-первых, депрессивной стабилизацией при снижающихся темпах инфляции, и, во-вторых, новым сочетанием факторов, как ограничивающих рост, так и адаптирующих экономику к этим ограничениям.[2, с. 17]

Стабилизация и даже возможное некоторое оживление экономики (1997 г.) опиралось на: 1) возрастание энерго-сырьевого экспорта; 2) создание "малых форм" производства в потребительском секторе экономики.

В данный период обнаружилось, что в силу недостаточного собственного производственного потенциала и низкой эффективности энерго-сырьевой сектор уже не выдерживает возросшей экономической нагрузки, а перерабатывающая промышленность не может ее принять в силу своей деградации и резкого падения эффективности. В результате в условиях депрессивной стабилизации производства кризис получил новый импульс. Это проявилось в падении уровня жизни, скачке неплатежей по заработной плате, масштабном кризисе финансовой, банковской и денежной систем.

Адаптация экономики к этим дисбалансам шла за счет наращивания внешнего долга, что послужило одним из ключевых факторов кризиса 1998 года.

Таким образом, подводя итог, отметим, что к середине 1990-х годов в экономике России сложилась специфическая модель сужающегося воспроизводства, отличающаяся рядом специфических особенностей. Рассмотрим некоторые особенности данной модели. К середине 1990-х годов

сформировался базовый контур воспроизводства «конечный спрос – производство – доходы». Его специфическая особенность – значительный разрыв между потреблением, оставшимся в среднем на уровне начала 1990-х годов, и производством, снизившемся более, чем на треть.

Автономность потребления от производства обеспечивалась, главным образом, двумя факторами:

–отказом от поддерживающих инвестиций, то есть, переходом в режим «проедания» основных фондов и ресурсных заделов;

–переключением топливных потоков с внутреннего потребления на экспорт, что позволило наращивать импорт без нарушения равновесия платежного баланса.

В сфере производства сложилась четко выраженная трехполюсная структура, где каждый из полюсов (структурных ядер) выполнял определенные функции:

–торгово-финансовые посредники наращивали вес в экономике, заняв доминирующие позиции по отношению к другим центрам, в то же время, обеспечивая общую поддержку доходов населения и потребительского спроса. Здесь образовался избыток капитала, который снимался за счет его вывоза за рубеж;

–экспорто-ориентированные отрасли смогли в той или иной мере реализовать преимущества открытой экономики, наращивая экспорт. Одновременно на них легла функция компенсации дисбаланса между производством и потреблением и поддержания общего равновесия базового контура воспроизводства;

–внутренне-ориентированные отрасли оказались в наихудшем положении, как из-за свертывания внутреннего спроса (инвестиции, оборонные расходы), так и из-за изменения ценовых пропорций в пользу экспорто-сырьевых отраслей. В то же время, на них легла системная функция поддержки занятости, и, опосредованно, потребления.

Структурные сдвиги в производстве и его общий спад привели к значительному падению эффективности производства – в частности, производительности труда более, чем на четверть. Из-за снижения загрузки мощностей возросла энергоемкость производств. Усилилась зависимость внутренне-ориентированных отраслей от энергоносителей в условиях их абсолютного и относительного удорожания.

Таким образом, сложившийся дисбаланс между производством и потреблением, в конечном счете, замыкался на:

–«проедание» основных фондов;

–наращивание неплатежей в форме дебиторско-кредиторской задолженности. Это, в конечном счете, требует характеризовать сложившуюся модель воспроизводства как модель сужающегося воспроизводства.

Последующее экономическое развитие привело к формированию кратковременной внутренне-ориентированной модели воспроизводства с последующей ее трансформацией в существующую экспортно-

ориентированную модель воспроизводства. Правильное понимание просчетов экономической политики 1990-х годов позволит избежать тех экономических просчетов, которые в 1990-е годы привели к формированию суженной модели воспроизводства, а, в конечном счете, к экономическому кризису 1998 г. В этой связи оценка предшествующего экономического развития и в первую очередь экономических событий 1990-х годов является важной вехой в формировании современных инструментов выхода из экономического кризиса и становлении конкурентоспособной модели воспроизводства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белоусов А.Р. Системный кризис как вызов российскому обществу / А. Р. Белоусов // Проблемы прогнозирования. – 1998. – №2. – С. 14-21.
2. Белоусов А.Р. Этапы становления российской модели воспроизводства / А. Р. Белоусов // Проблемы прогнозирования. – 2001. – №2. – С. 17-24.
3. Иванченко В. Проблема инновационного воспроизводства / В. Иванченко // Экономист. – 2007. – №2. – С. 24-27.
4. Кучуков Р. Проблемы конкурентоспособности народного хозяйства / Р. Кучуков, А. Савка // Экономист. – 2008. – №2. – С.4-9.